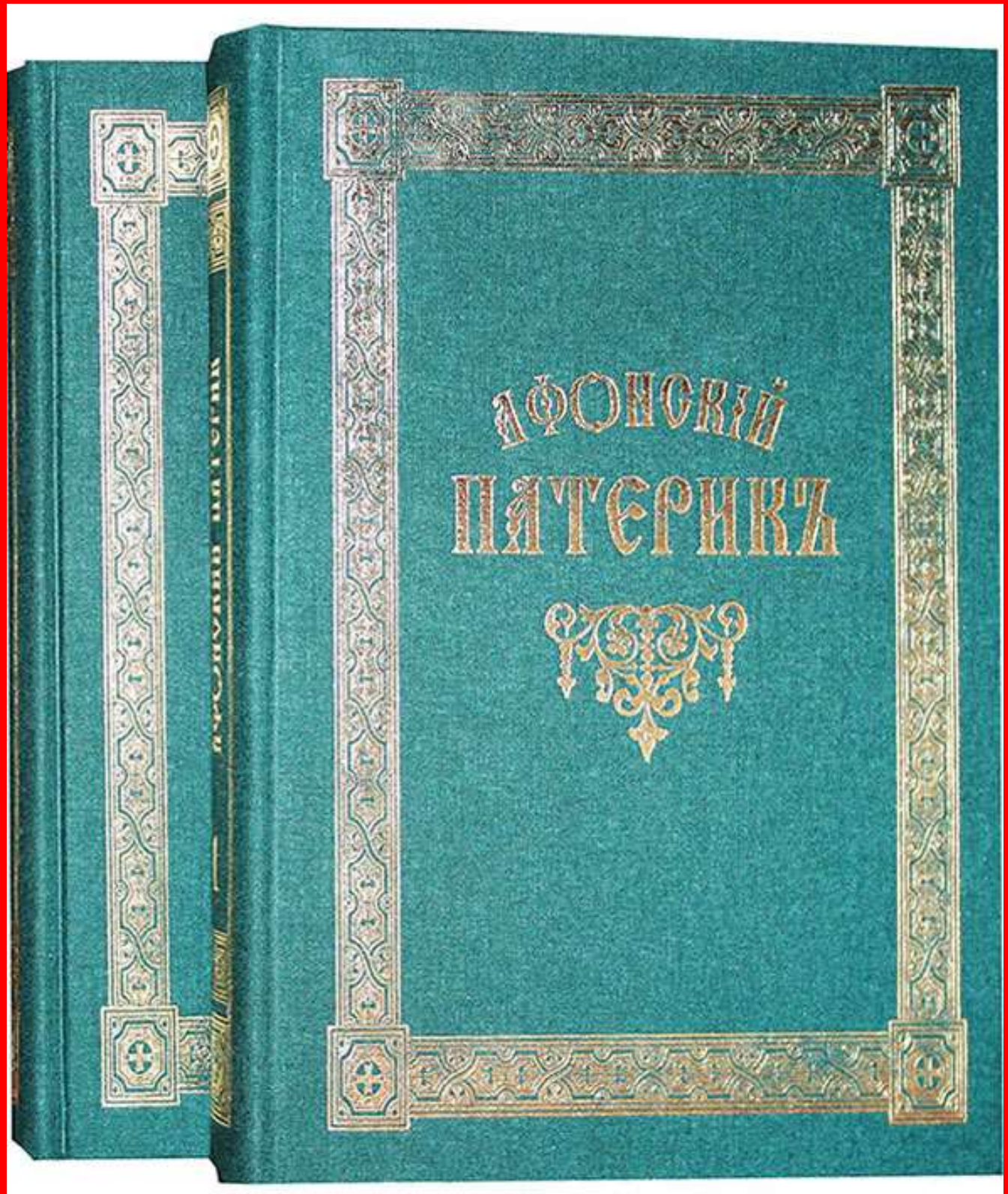

TEZAUUR LITURGIC

PATERICUL ATHONIT I

SF.PANTELIMON-ATHOS,2002

6 АПРЕЛЯ

Житие преподобного и богоносного отца нашего Григория Синаита⁹⁹

Божественный Григорий родился в Азии, в местечке Кукулы. Оно лежало близ Клазомен¹⁰⁰. Родители его были богаты, а что всего выше и необходимее – добродетельны. В приличное время возраста он был хорошо образован – как во внешнем любомудрии, так, особенно, в истинах Священного Писания. Это было в царствование старшего Андроника Палеолога. Турки тогда уже теснили Азию, грабили селения, и, между прочим, – родину святого Григория, которого в числе других христиан и вместе с родителями и родными его увлекли в плен, в Лаодикию, где, по милости Божией, дано им было позволение от варваров посещать церковь лаодикийских христиан. Лаодикийцы тронулись несчастным положением своих братьев. Чтобы облегчить тяжкое их иго, они умолили турок даровать пленным свободу, предложив взамен того денежный выкуп. Неверные обольстились сребренниками – и пленные христиане получили свободу и право располагать собой по собственному желанию. Тогда божественный Григорий удалился на Кипр, в короткое время обратил на себя

внимание кипрян и своими естественными внешними и внутренними совершенствами заставил почти всех любить себя и уважать, ибо он был от природы благообразен, а внутренняя его лепота еще превосходила внешнюю.

Бог, «знающий сущия Своя» (2Тим. 2, 19) и поспешествующий им во всем благом, устроил божественному Григорию сойтись на острове Кипре с одним добродетельным иноком, пребывающим в безмолвии. Святой Григорий тотчас же с великой радостью явился к нему в уединение и скоро облечен был им в иноческий ангельский образ. Безмолвствуя с этим иноком и питаясь духовными его беседами, он скоро сделался искусным в иноческой жизни. Отсюда, ища больших подвигов, удалился он на Синайскую гору и там принял на себя великий ангельский образ. В непродолжительное время он удивил и изумил тамошних подвижников своей безплотной ангельской жизнью: пост его, бдение, всенощные стояния, непрестанные псалмопения и молитвы превосходили всякое описание. Казалось, он спорил с природой, желая вещественное тело свое сделать невестественным, – так что самые тамошние подвижники, удивляясь его подвигам, обыкновенно называли его безплотным. «А о корне всех добродетелей – послушании его и

глубоком смирении – я затрудняюсь и писать, чтоб нерадивым не показалось, будто говорю ложь», – пишет составитель жизнеописания божественного Григория¹⁰¹. Но так как молчать об истине – значит грешить против нее, то я должен рассказать, что слышал от преданного ученика его, Герасима. По словам этого блаженного, божественный Григорий всякое служение, назначаемое ему предстоятелем, исполнял без всякого отлагательства и со всем усердием, всегда представляя себе, что на дело его взирает Сам Бог. Между тем, при всех своих послушаниях, он никогда не оставлял и обычных своих молитвословий. Обыкновенно делал он так: ввечеру, получив благословение от настоятеля, входил в свою келью и запирал за собой дверь – здесь коленопреклонения, псалмопения, воздеяния рук к Богу с устремлением всего ума к Нему продолжались до удара к утрени; с первым ударом к утренней службе он первый стоял уже у двери церковной, пришедши же в церковь, никогда не выходил из нее прежде окончания службы, и притом, вошедши в храм первым, выходил из него всегда последним. Пища его состояла из небольшого количества хлеба и воды – и только для того, чтоб можно было жить. Назначено ему было служение в поварне. Более трех лет

трудился он в этом тяжелом послушании: кто может достойно восхвалить чрезвычайное его здесь смирение? Но всегда думал, что служит не человекам, а ангелам и место службы своей почитал Божиим святилищем и алтарем. Надобно сказать, что преподобный был весьма искусен и в каллиграфии. Но при всех своих занятиях телесных он не оставлял и занятий умственных. Чтением Священного Писания и других благочестивых книг занимался он едва ли не более всех тамошних отцов, а познаниями превосходил почти всех их. При занятиях своих он имел еще благочестивое обыкновение восходить на святую вершину Синая для совершения там благоговейного поклонения, на месте тех древних славных и великих чудес.

Мог ли доброненавистник равнодушно смотреть на святого Григория, видя таковые его подвиги? Чтоб воспрепятствовать святому на пути его к совершенству, он успел посеять плевелы смущения между сподвижниками Григория и возбудить в них страсть зависти. Григорий, как ученик кроткого и смиренного Иисуса, заметив в них эту преступную страсть, тайно удалился из монастыря и взял с собой сего, достойного всякой чести, Герасима. Герасим был родом с острова Эврипа и находился в родстве с владетельным его князем, но, презрев мир со

всем суетным его блеском и славой, удалился на гору Синай. Здесь он узнал божественного Григория и, удивляясь чрезвычайным его подвигам, прилепился к нему и сделался одним из учеников его. При помощи Божией и он восшел на высочайшую степень делания и созерцания, так что после великого Григория сделался для многих примером жизни подвижнической.

Итак, удалившись с Синая, они пришли в Иерусалим, на поклонение животворящему гробу. Потом, обошедши все тамошние святые места и благоговейно поклонившись им, отправились судном в Крит и пристали в месте, называемом «Хорошие пристани». Преподобный, не желая тратить напрасно время, стал отыскивать со всем тщанием какое-нибудь безмолвное место, вполне пригодное для уединенной жизни. После немалых трудов нашли они по желанию своему пещеры и там с радостью поселились; и стали продолжаться подвиги святого Григория, в сугубой против прежнего мере, так что на Григории, в собственном смысле, оправдались слова царепророка: «аз яко сено изхох, колена моя изнемогоста от поста; и плоть моя изменися елеа ради» (Пс. 101, 12; 108, 24). Действительно, лицо его от безмерного воздержания сделалось желто,

члены иссохли и едва были способны двигаться. При всем том блаженный этот о Боге труженик имел пламенное желание обрести какого-либо духовного старца, который бы мог наставить его в том, чего на пути к совершенству духовному не успел он еще достигнуть. Скоро Господь призрел на святое желание верного Своего раба и устроил дело Своим премудрым образом. Через особое откровение извещается божественный Григорий об одном отшельнике, безмолвствовавшем в той стране, – старце опытном в делании и созерцании, по имени Арсений. Будучи движим Духом Божиим, Арсений сам приходит в келью святого Григория. С радостью принимает гостя святой Григорий. После обычной молитвы и приветствия умозрительный этот старец повел разговор, как бы из некоей Божественной книги, о хранении ума, о трезвении и внимании, об умной молитве, об очищении ума посредством творения заповедей, о возможности сделать его световидным и о многом другом. После такой беседы он спросил святого Григория:

– А ты, чадо, какого рода употребляешь делание?

Тогда божественный Григорий рассказал ему о себе все со дня почти своего рождения.

Божественный Арсений, знавший уже очень хорошо путь, ведущий человека на высоту добродетели, сказал ему:

– Все, чадо, о чем ты рассказал мне, богоносные отцы называют деланием, а не видением (qewria – видение, созерцание).

Услышав это, блаженный Григорий тотчас падает к ногам его и усердно просит, заклиная даже именем Божиим, научить его умному деланию и объяснить ему созерцание. Божественный Арсений, не желая скрывать талант, данный ему от Бога, со всей охотой согласился исполнить просьбу преподобного и в непродолжительное время научил его всему, что сам богато принял от Божественной благодати. При этом открыл он Григорию, сколь многообразны и неисчислимы козни врага нашего спасения, – т.е. рассказал ему о том, что случается с упражняющимися в подвигах добродетели от человеконенавистников-демонов и от завистливых людей, которых употребляет лукавый в качестве орудий своей злобы.

Получив такие безценные уроки от божественного Арсения, святой Григорий прибыл на святую Афонскую Гору. Желая видеться со всеми святогорскими отцами, воздать им подобающее поклонение и сподобиться святых молитв их и благословения,

он обошел все тамошние монастыри, скиты, кельи, – также пустыни и места непроходимые. Общаясь с святогорскими отцами, он видел между ними подвижников, весьма украшенных деятельными только добродетелями; когда же вопрошал их, упражняются ли они в умной молитве, трезвении и блюдении ума, – они ему говорили, что и не знают, что называется умной молитвой, или хранением ума и трезвением. Обозревши всю Святую Гору, пришел он в скит Магула, лежащий близ обители Филофеевской¹⁰², и нашел там трех монахов – Исаию, Корнилия и Макария, которые упражнялись не только в делании, но и в созерцании. Здесь построил он кельи для себя и для учеников своих – и келью для себя поставил в некотором расстоянии от келий учеников, чтобы ему всецело погружаться в одном Боге, чрез умную молитву и быть Им постоянно занятым, – т.е. чтобы по урокам Божественного своего наставника Арсения беспрепятственно предаваться созерцанию. Итак, собирая внутрь себя все чувства, соединив ум с духом и пригвоздив его ко кресту Христову, он часто повторял: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!», – молился с умилением и сокрушением сердца, с воздыханиями из глубины души, и орошал землю теплыми слезами, текшими, как река, из

очей его. И Господь не презрел такого его моления: «сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50, 19), – но весьма скоро услышал его, ибо «воззваша праведнии, и Господь услыша их» (Пс. 33, 18). Посему разгоревшись душой и сердцем и по действию Святаго Духа изменившись благим и преславным изменением, увидел он, осияваемый Божественной благодатью, что дом его был полон света. Исполнившись радости и неизреченного веселья и изливая опять потоки слез, он снедался Божественной любовью. Поистине на нем исполнилось самым делом отеческое то изречение: «Дело видения – восхождение (πραξις θεωριας εριβασις)». И так как преподобный был превыше плоти и мира, то проникся весь Божественной любовью – и с того времени этот свет не преставал освещать его: «свет праведным всегда» (Притч. 13, 9). «Славный этот отец на вопрос мой и соучеников моих о созерцании отвечал, – говорит составитель жизнеописания святого Григория. – Тот, кто возвышается к Богу благодатью Святаго Духа, видит, как бы в зеркале, всю тварь световидной – «аще в теле, аще кроме тела, не вем» (2Кор. 12, 2), по словам Божественного Павла, – видит до тех пор, пока не встретится с каким-нибудь препятствием во

время созерцания, заставляющим его прийти в самого себя.

Однажды, видя его выходящим из своей кельи с радостным лицом, я в простоте сердца спросил его о причине такого явления. Приснопамятный этот муж, как чадолюбивый отец, отвечал мне так:

– Душа, прилепившаяся к Богу и снедаемая любовью к Нему, восходит выше творения, живет выше видимых вещей и, наполнившись вся желанием Божиим, никак не может укрыться. Ведь и Господь обещал ей, говоря: «Отец твой, видяй втайне, воздаст тебе яве» (Мф. 6, 6), и опять: «да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех» (Мф. 5, 16), ибо тогда сердце прыгает и веселится, ум бывает весь в приятном волнении, лицо весело и радостно, – по словам мудрого: «сердцу веселящуся, лице цветет» (Притч. 15, 13).

Потом я снова спросил его:

– Божественный отче! Объясни мне, по любви к истине, что такое душа и как она созерцается святыми?

Выслушав мой вопрос, он ласково и, по обыкновению его, с некоторым понижением голоса отвечал мне так:

– Возлюбленное чадо мое духовное! «Высших себе не ищи, и крепльших себе не испытай» (Сир. 3, 21), – потому что ты, будучи еще младенцем, т.е. несовершеннолетним, не можешь переварить твердейшую пищу, т.е. понять предметы, превышающие силы твои, – как и пища совершенных мужей не полезна нежным младенцам, нуждающимся в молоке.

А я, припавши к ногам его и крепко ухватившись за них, еще настойчивее просил объяснить мне столь важный предмет. Согласившись на усиленную мою просьбу, он сказал мне кратко:

– Кто не увидит воскресения души своей, тот не может узнать в точности, что такое умная душа.

Но я, обращаясь к нему с должным благоговением, снова предложил вопрос:

– Открой мне, отче, достиг ли ты в меру сего восхождения, – т.е. узнал ли, что такое умная душа?

– Да, – отвечал он мне с великим смирением.

– Ради любви Господней, научи же и меня этому, – стал я после сего смиренно просить его, – это может принести душе моей великую пользу.

Тогда Божественный сей и по всему досточтимый муж, похвалив мое усердие, преподавал мне следующее:

– Когда душа употребляет все свое усердие и подвизается посредством деятельных добродетелей, при должном рассуждении, – тогда она низлагает все страсти и подчиняет их себе. А если страсти покорены, – ее окружают естественные добродетели и следуют за ней, как тень за телом, – и не только следуют, но и учат ее, и наставляют тому, что выше естества, – учат как бы восхождению по духовной лестнице. Когда же ум благодатью Христовой взойдет к тому, что выше естества, тогда, просвещаемый сиянием Святаго Духа, он простирается к ясному видению – тогда, сделавшись выше самого себя, по мере данной ему от Бога благодати, весьма ясно и чисто видит сущность вещей, и уже совсем не так, как умствуют о том внешние мудрецы, кидаящиеся только за тенью вещей, а не старающиеся, как должно, следовать существенному действию природы. Ведь и Божественное Писание говорит: «осуетилось несмысленное их сердце, и глаголющися быти мудри, обьюродеша» (Рим. 1, 21. 22). Потом душа, принявшая обручение и благодать Святаго Духа, по причине множества видений, какие она видит, мало-помалу оставляет прежние и переходит к высшим и Божественнейшим, – как говорит апостол Павел: «задняя забывая, в

предняя же простираяся» (Флп. 3, 13), – и таким образом поистине отбрасывает всякую боязнь и страх и, прилепившись любовью к Жениху Христу, видит, что природные ее помыслы совершенно умолкают и, по описанию святых отцов, остаются позади. Достигнув безвидной и неизглаголанной красоты, она теперь, осияваемая светлым сиянием и благодатью Святаго Духа, беседует только с Богом, а просветившись этим безпредельным светом и имея стремление к одному Богу, она, по причине чудного и нового своего изменения, совсем уже не чувствует смиренного, земного и вещественного своего тела, ибо является чистой и светлой, без всякой примеси вещественного пристрастия, – является существом (jusz) собственно умным, как был, до грехопадения, родоначальник наш Адам. Он сперва был покрыт благодатью безпредельного света, а потом, по причине горького преступления, обнажился от светоносной этой славы.

Ко этому божественная сия глава присовокупила:

– Человек, чрез трудолюбивое упражнение в умной молитве достигший столь дивной высоты и увидевший чисто собственное свое усмотрение, в какое он пришел благодатью Христовой, уже видел и воскресение души своей

прежде чаемого общего воскресения – так что душа, таким образом очистившаяся, может говорить с божественным Павлом: «аще в теле, аще кроме тела, не вем» (2Кор. 12, 2). Но вместе с тем она и недоумеваает, и изумляется тому, и взывает с удивлением: «о глубина богатства, и премудрости и разума Божия! яко неиспытани судове Его, и неизследовани путие Его» (Римл. 11, 33).

О таких-то предметах сподобился я слышать от пребожественного этого отца!

Что сказать теперь об учениках сего преподобного отца? Достойно возвестить о всех их подвигах и ангельской их жизни я не нахожу в себе довольно силы; скажу лишь кратко – что по наставнику можно отчасти судить и об учениках его.

Первым его учеником был святой Герасим. Он, как мы выше сказали, происходил из Эврипа и после пользовался еще наставлениями святейшего патриарха Исидора. Этот новый Герасим был, можно сказать, отсветом древнего, Иорданского. Как тот шел путем апостольским и дикую пустыню Иорданскую превратил в многолюднейшую страну, населив ее земными ангелами, так и этот, исполнившись Божественной благодати и быв просвещен от Бога, является в Элладу и обходит апостольски

всю ту страну, насыщая сладчайшим учением о добродетели всех алкавших и жаждавших там слова Божия. Не упустил он здесь, подобно иорданскому Герасиму, в многолюдной сей пустыне, основать и много убежищ благочестия и чистоты и преподать насельникам их подобающие правила высокой нравственности для достижения первожданной чистоты человека. Подвизаясь таким образом и сподобившись здесь уже зреть славу, преуготованную избранным Божиим, он отошел ко Господу наслаждаться сей славой – уже не на краткие мгновения, а навсегда.

Второй ученик преподобного был Иосиф, соотечественник Герасима. Иосиф не имел высокого внешнего образования, но, будучи богат внутренней, истинной мудростью, даруемой от Святаго Духа, подобно оным славным рыбакам, победившим царей и царства, посрамившим мудрецов мира, громил латинских умников. Праведная его ревность по православию послужила крепким оплотом для православных христиан против злословия латинян и утвердила многих из них на пути святой истины. Но о всех его трудах и подвигах в пользу Церкви, о великодушии в несении своего креста и о прочих сокровенных и явных его добродетелях составитель этой биографии не

нашел себя в состоянии рассказать надлежащим образом. Потому и нам остается только с благоговением дивиться чудному во святых Своих Богу и величать Его угодников.

Далее блаженный биограф святого Григория просит нас выслушать о третьем ученике сего святого – о некоем чудном авве Николае. Николай был родом из Афин и достиг уже старости, когда державший в то время скипетр Греции царь Михаил Палеолог по политическим расчетам увлекся к суемудрию римской церкви. Отступив сам от чистоты православия, царь старался и всех своих подданных увлечь за собой в ту же бездну погибели. Но когда божественный Николай стал безбоязненно проповедовать в отечестве своем слово Божие и учил народ хранить православие – не принимать гнилых догматов латинских, – Палеолог послал к нему латинских мудрецов для убеждения принять западное зловерие – и послал с обыкновенными латинскими доказательствами – лезвием, бичом и мечом. Жестокосердные безчеловечные слуги, встретив со стороны его сопротивление, связали его, наложили на него цепи, обрили честную его браду, били его без милосердия палками, попирали ногами и безжалостно влачили по улицам. Но страдалец Христов и эти, и другие скорби, как то: ссылки,

расхищения его имени, заключения в темницы, переносил, славя и благодаря Бога. Но скоро эта гроза прошла. Когда, по смерти царя Палеолога, невеста Христова – Церковь Божией милостью стала опять наслаждаться глубоким миром, бывший в то время святейший патриарх Иосиф употреблял всевозможные способы рукоположить божественного Николая в архиерея, но тот по своей скромности и глубокому смирению уклонился от этой высокой иерархической чести и, любя безмолвие, удалился на святую Афонскую Гору. Тогдашний прот Святой Горы, видя его украшенным всеми видами добродетели, сделал его против воли епископом в честном Карейском храме. Но спустя немного времени он встретился с чудным Григорием – и, лишь только услышал сладчайшую его беседу, со всем усердием души тотчас же сделался учеником его, ибо как магнит с неизреченной от природы силой влечет к себе железо, так и божественный учитель наш Григорий душеполезными своими словами (которые всякий мудрый не погрешит, если назовет словами жизни вечной), привлекал к себе видевших его и беседовавших с ним. И как было во время земной жизни нашего Искупителя – лишь только увидел Его Андрей, тотчас оставил Предтечу Иоанна и следовал за

сладчайшим Иисусом – так часто случалось и во время божественного Григория. Стремившиеся к высоте добродетелей, усматривая, что он достиг крайнего благоговения, невозмутимого спокойствия и тишины и полного просветления души, немедленно оставляли прежних свои старцев и, притекая к нему, подчинялись ему совершенно. Так поступил и досточтимый этот Николай, несмотря даже на преклонность своих лет. Под мудрым и Божественным водительством святого Григория он скоро сделался искусным во всякой добродетели, а смирением даже и превзошел всех своих собратий и соучеников.

Потом жизнеописатель святого Григория повествует еще о некоем досточудном ученике его Марке. Марк отечеством своим имел Клазомены; пришедши в возраст, принял иноческий образ в монастыре Исаака, который был в Солуни, а чрез некоторое время прибыл на святую Афонскую Гору и здесь подчинил себя святому Григорию. Стяжав умную молитву и трезвение, он был, так сказать, сокровищницей и хранилищем всех добродетелей и деятельных, в особенности же отличался смирением и послушанием, которое оказывал не только предстоятелю, но и всему братству, и даже служил странным как раб. Посему, удивляясь

ему, все хвалили его и питали к нему любовь и расположение. Священнолепный вид его дышал каким-то духовным благоуханием и имел чудное на других влияние, так что увидевший его один раз чувствовал в своей душе некое освящение и влечение к смиренномудрию Маркову и этого чудного Марка брал себе в образец добродетели. Пришедши даже в глубокую старость, божественный Марк возлагаемые на него послушания исполнял с великой радостью и усердием. Проходя, например, службу повара, он никогда не показывал отягощения или нерадения. Посему и Бог, призирающий на кротких и смиренных сердцем, наградил его глубоким душевным миром, невозмутимой тишиной сердца, исполнил неизреченной радостью и весельем – или, иначе сказать, Марк сделался светлейшим органом Святаго Духа, обителью Троидиною. Пример сего божественного Марка служил назиданием для многих. Многие, видя его подвиги и слушая благодатную его беседу, получали себе обильную душевную пользу. В числе назидающихся ангельской его жизнью был и я, и притом преимущественно пред другими, ибо, будучи сожителем ему почти до самой его смерти, я пользовался самой искренней его дружбой. У нас была как бы одна душа в двух телах и мы не

знали, что мое, что его. Отсюда выходило то, что кто называл Каллиста, тот вдруг прибавлял к нему и Марка, и опять, кто говорил о Марке, тот видел в нем и Каллиста. Все отцы, обитавшие там в скиту, смотрели на наше единомыслие, какое мы имели между собой благодатью Христовой, как на похвальный пример, – и если когда, по зависти диавольской, случалось некоторым из них вступать в разногласие между собой, тотчас приводили они себе на память нас – и разногласие исчезало.

Божественный отец наш Григорий благословил быть такому между нами единомыслию до кончины нашей и, движимый благодатью Святаго Духа, присовокупил, что если мы будем находиться в этом единении духа, то удостоимся Царства Небесного. Такое наше дружество продолжалось целых 28 лет. Пред смертью своей Марк вынужден был по болезни перейти из скита в лавру и оставаться там до своей кончины, но телесное разлучение наше никогда не нарушало духовного нашего единения. Блаженный Марк, ежедневно восходя от силы в силу, стал на высшей степени совершенства, так что должным образом и рассказать о всех его добродетелях невозможно. И то, что я о нем повествую, делается мной против его воли, ибо он по смирению своему заповедал мне не

говорить о его добродетелях. Но так как похвала святых относится к Богу, то я, для душевной пользы и назидания других, и счел справедливым не молчать о подвигах его.

– Скажу, – говорит блаженный патриарх, – еще об одном достойном похвалы ученике святого Григория – Иакове. Он наставлениями и водительством божественного Григория достиг такой высоты добродетелей, что удостоился принять и сан архиерейства, – сделался епископом епархии Сервион. Не умолчу и о чудном Аароне. Он был лишен телесного зрения, поэтому святой Григорий весьма много сострадал ему. Божественный Григорий объяснял Аарону, что слепота телесных очей не только очищает душевные, но и дарует вечный свет тем, которые переносят ее с благодарностью, надеясь во всем несомненно на Бога, и что когда мы помощью и благодатью Божией очистим сердца наши посредством горячей и постоянной молитвы, тогда просвещается наш ум и разум, которые в душе как бы два ока. А если просветятся и отверзятся очи души нашей, то человек, сделавшись в Боге духовным, видит естественно, как видел и Адам прежде своего преступления. Объяснял ему святой Григорий и падение нашего праотца, и восстановление его в первобытное

совершенство. Слушая эти и подобные этим наставления и слагая их в сердце своем, Аарон с глубоким сокрушением сердца просил Бога так: «Господи Боже мой! Низу склонившегося воздвигнувший, словом единым расслабленного стягнувший и очи слепого разверзший, воздвигни и меня неизреченным Твоим благоутробием и погрязшую в тине греха окаянную мою душу не презри и не дай ей погрязнуть во рве отчаяния, но, как щедрый, отверзи очи сердца моего, всели в него страх Твой, дай мне разуметь заповеди Твои и творить волю Твою!» И не вотще была такая смиренная и из глубины души молитва слепца: он был услышан Богом, и очи души его просветились так, что он не нуждался более и в зрении телесном. Теперь не нужен уже стал ему и вожатый в пути. Мало того – он видел действия других даже на далеком от себя расстоянии. Раз они ходили с вышесказанным Иаковом к одному монаху. Будучи еще далеко от кельи этого монаха, Аарон, просвещенный свыше, сказал Иакову: «Монах, к которому мы идем, держит в руках своих священное Четвероевангелие и читает какое-то зачало Евангелия». Пришедши в келью монаха и испытав с точностью, нашли, что предсказанное Аароном было истинно. Но это только малое из многого.

Нельзя не упомянуть и о других учениках преподобного – Моисее, Логгине, Корнилии, Исаие и Клименте. Все они, под мудрым отеческим водительством святого Григория украсившись и деланием, и видением, потом сами приобрели себе много учеников и мирно почили, предав души свои в руце Божии.

Так как я вспомянул уже о чудном Клименте, то полезно будет рассказать немного из того, что даровал ему Бог. Климент был родом из Болгарии и на родине имел должность пастуха овец. В одну ночь, находясь на страже своей, он, подобно тем древним пастырям, сподобился особенного посещения свыше – увидел некий чудный свет, сиявший над его безсловесными и над всем пастбищем. Климент в это время был полон и радости, и вместе недоумевал о видении. Он почел было этот свет за естественное рассветание, так как незадолго пред сим освещением засыпал на жезле своем. Но во время такого его размышления свет этот, на глазах у него, мало-помалу восшел на небеса и оставил после себя тьму и ночь. Вскоре после сего Климент удалился на святую Афонскую Гору и в скиту Морфину¹⁰³ подчинил себя одному монаху, простому, но благоговейному и добродетельному. Все обучение Климента у этого инока состояло только в молитве «Господи

помилуй!» По прошествии небольшого времени Климент был снова удостоен Божественного света и, рассказав своему старцу об этом видении, просил от него объяснения. Но старец его, не имея сам опытности в духовных предметах, пошел с ним для рассуждения об этом к божественному Григорию. Климент рассказал святому Григорию о себе все подробно и после того горячо просил Григория причислить его к благой его дружине. Преподобный, как подражатель Христу жаждая спасения всех, принял его с радостью и научил его всему, что может служить к вечному нашему спасению. Для души Климента, с течением времени сделавшейся боговидной, духовные видения уже не были непонятны. Сказывал он о себе, что сколько раз ни посылал его божественный Григорий в священную лавру, во время пения тамошними отцами – «Честнейшую...» он всегда видел светлое облако, нисходившее с неба на лавру и покрывавшее оную. Когда же кончалась песнь «Честнейшей», это облако на его глазах снова восходило со светом на небо.

Душеспасительными наставлениями божественного Григория пользовались не только его ученики, но и всякий, кто приходил к нему. Поэтому почти всякий считал великим для себя несчастьем не быть у святого Григория и не

сподобиться слушать его учение. И так как слово его имело помазание, то всегда производило благотворные плоды в сердцах слушателей. Как в самое время учения великого Петра в доме Корнилия сошел на слушателей его Дух Святой, так было и с теми, которых учил божественный Григорий; это сказывали мне сами испытавшие силу его учения. «В то самое время, – говорили они, – когда святой Григорий рассуждал о чистоте души и о том, каким образом человек делается, по благодати, богом, в душах наших пробуждалось некое Божественное, неудержимое стремление к добродетели и неизъяснимая любовь к Богу». Святой Григорий побуждал упражняться в умной молитве и хранении ума как пустынников, так и киновиатов, – решительно всех.

Но доброненавистник диавол не мог быть равнодушным к таким подвигам святого Григория. Он возбудил против преподобного мнимоченых монахов – так что, движимые завистью к нему, они предприняли решительное намерение прогнать его со Святой Горы. С ними по неведению согласились и некоторые простецы и неопытные в тайнах духовных. Завистники и духовные невежды кричали божественному Григорию: «Не учи нас пути,

которого мы не знаем», – разумея под ним умную молитву и блюдение ума.

Преподобный, видя разгар зависти, уступил злобе и умолчал на время. Потом, взяв с собой одного своего ученика и некоего подвижника Исаию, много пострадавшего от царя Михаила Палеолога за несогласие свое с суемудрием лжепатриарха Иоанна Векка, явился для рассуждения о своем учении в протат. Прот ласково принял их и начал дружески и косвенно замечать божественному Григорию – только не о том, зачем он учил о трезвении и умной молитве, ибо прот был не из числа завистников и духовных невежд, а о том, зачем он учил без его позволения. Но, зная чрезвычайные подвиги святого Григория и истинную высоту Божественного его учения, он оставил все и искренно подружился с ним. Беседуя с Григорием и Исаией, он говорил: «Сегодня я беседую с главами апостолов, Петром и Павлом». Недоброжелательствующие святому Григорию отцы, видя ласковый прием, сделанный ему протом Святой Горы и слыша похвалы главы иноческой своей семьи божественному учителю, убедились в истине его учения, и с того времени все вообще – и пустынноики, и непустынноики – с великой радостью признали и имели общим учителем божественного Григория. Но так как

число приходящих к нему для душевной пользы весьма умножилось, что отнимало у него любимое им безмолвие, то он, чтоб избавиться от посетителей, решился употребить хитрость – стал изменять места своего обитания и, многократно изменяя их, удалялся иногда в самые отдаленные и непроходимые пустыни. Но горящий светильник нигде не мог укрыться: град, стоящий верху горы добродетелей, не мог утаиться от взоров, ищущих его. Желаящие слышать из медоточивых его уст Божественное его учение являлись к нему везде. Поэтому, снисходя к трудам и усердию приходящих, он в самых пустынных местах, в которых оставался жить, строил кельи, в стороне от своей, чтобы поместить их.

Агаряне, громившие уже тогда Грецию, грозили истреблением и порабощением и Святой Горе. Святой Григорий, с одной стороны потому, что испытал уже железное ярмо этих варваров, как мы сказали вначале, а с другой – не желая лишиться безценного для него безмолвия, решился отправиться опять на Синай – безмолвствовать на святой вершине его. Узнав же, что не найти ему искомого спокойствия и там – ибо нечестивые сарацины огненной лавой распространились тогда по всему Востоку, – отложил путешествие и переход на Синай и,

желая найти себе где-нибудь другое место, удобное для созерцательной своей жизни, посетил тогда многие места. Пробыв несколько времени в Солуни, он отправился в Митилин, а оттуда чрез Константинополь прибыл в Созополь. В окрестностях Созополя нашел было он в одной пустыне удобное для себя убежище и уже основался там, но подвергся преследованиям зависти от тамошних пустынножителей, и даже с опасностью лишения жизни. Не будучи в силах победить этой злой страсти ни своим великодушием, ни кротостью, он снова возвратился, чрез Созополь, в Царьград. А так как нечестивые сыны рабыни тогда немного успокоились и не тревожили Святой Горы, то он из Константинополя прибыл опять на Афон. В этом странствовании я, с другим учеником святого, был неотступным его спутником. Во время пребывания в пустыне созопольской сочинены им 150 трезвенных глав, исполненных делания и созерцания.

С неподдельным расположением и великой радостью приняли святого в лавре, куда он теперь прибыл, и прибытие его почитали духовным своим торжеством. С благословения старшей братии лавры святой вблизи выстроил несколько келий, в разных местах, для себя и своих учеников, и беседовал там с одним Богом.

Когда же, по Божию попущению, агаряне снова начали утеснять Святую Гору, преподобный, не могши безмолвствовать вне лавры, вошел внутрь нее. Но многолюдная, совокупная жизнь была не по нем. Для своего созерцания он жаждал уединения, а потому, взяв с собой одного ученика, тайно вышел из лавры и отправился в Адрианополь, отсюда же удалился в одну гору, называемую «Скрытная». Здесь нашел он место, действительно удобное для своей жизни, но гора вся почти наполнена была разбойниками. Возбуждаемые завистливым диаволом, боявшимся, чтоб святой не обратил пустыню в жилище земных ангелов, они много беспокоили его. Святой Григорий не отчаивался, ибо знал, что для нагого хищники тленных вещей не опасны. Здесь услышал он о благочестии болгарского царя Александра – вследствие сего, возложив упование на Бога, всегда споспешествующего благим намерениям Своих служителей, посылает к царю своих учеников и чрез них, извещая его о себе и о своих бедствиях, просит себе, во имя Божие, помощи его и защиты от разбойников. Слух о благочестии этого царя не обманул святого Григория: чтя добродетель и добродетельных, принял он с радостью предложение святого – и сделал более, чем просил преподобный. Этот

державный любитель благочестия на той горе воздвиг целую обитель со всеми к ней хозяйственными принадлежностями и все устроил в ней по-царски; послал даже святому и довольное количество денег на содержание его дружины; пожертвовал для будущего пропитания братии обители несколько деревень и одно озеро для рыбной ловли, прислал множество волов и овец и большое количество рабочего скота (Впоследствии на этой горе воссияли еще три лавры). Здесь святой мирно оканчивал остаток земного своего странствования, продолжая заботиться о благе души всех и каждого. Он горел желанием всю вселенную обогатить знанием восхождения на высоту делания и созерцания и стремился возжечь во всех пламенную любовь к этому восхождению. Поистине и о нем в некотором отношении можно сказать сии Божественные слова: «во всю землю изыде вещание его и в концы вселенная сила глаголов его» (Пс. 18, 5), ибо он не только у греков и болгар, но и у сербов и дальше, если не сам, своим лицом, то, по крайней мере, чрез своих учеников, рассеивал Божественное свое учение. И силе слова его редко не уступала всякая лютость. Даже свирепых тех словесных волков – диких тех разбойников и убийц – он претворял в кротких и

разумных овец и вводил их непорочными агнцами в ограду превечного Пастыря и Просветителя душ наших.

Таковы из многих некоторые подвиги святого Григория! Такова жизнь этой чудной и блаженной души! – Но настало наконец и для него время отдать общий долг смерти. Итак, труженик сей о Бозе, немного и недолго поболел, предал блаженную свою душу в руке Божии и восшел на небеса, дабы наслаждаться там всегда желаемым им в земной юдоли Христом¹⁰⁴, Которому слава, честь и поклонение, со Отцем и Святым Духом, во веки веков. Аминь.

**Память преподобного Григория
Византийского¹⁰⁵**

Преподобный отец наш Григорий родом был из Византии, а равноангельским своим житием просиял в пределах лавры св. Афанасия. Об этом отце известно только то, что он был наставником Божественного Григория Паламы в трезвенном любомудрии и что за равноангельскую высоту своей жизни удостоился принимать пищу из рук ангельских.

* * *

99

Из Neon Eklogion. Синаитом он называется по принятию им на Синае пострижения в монашество.

100

Клазомен был некогда город приморский, лежавший в соседстве со Смирной (Мелет. Геогр., стр. 465), на Эритрейском полуострове, в Лидии, у Смирнского залива; он принадлежит Ионическому союзу. Ныне – это село Келисмен. См. Спр. Энци. Слов.: «Клазомены».

101

Святейший патриарх Константинопольский Каллист.

102

Ныне он в развалинах.

103

В области лавры святого Афанасия. Этим именем простонародье назвало существовавшую здесь в 12 веке итальянскую православную обитель (как можно видеть из актов афонских) Амальфи. А знаменитый паломник наш Барский передает об этом следующий основанный на предании рассказ: «От монастыря (лавры) два часа прошедше, обретаем пирг, – си есть столп, мурованный еще древними леты, егда тамо мир жительствовавше. Создася, якоже повествуют, от некоего царя и вельможи, ради упокоения дщери своей, именуемой Морфину, яже тамо многими леты безмолвствовавше, веселяся от красоты места, ибо стоит на холме зело красном,

недалече от моря, яко на два стреляния лука; окрест же – воды текущие и горы с густым лесом, яже суть воскрилия Афона, и зеленеют лепозрачно, в зиме и в лете, не точию сего ради, яко есть место тепло, от дыхания морского, но и естественно вся Святая Гора имать благодать сию, яко много обретается в ней таковых древес, яже в зиме и в лете на себе имут листвие зеленое, от **нихже** в странах российских не обретаются. Место же оное речется столп красоты, – или от имени предреченной девы, или от естественной красоты места, ибо первее нарицашеся ту Морфину, последи же, от простобеседна языка общенародного, слово умалися и наречеса Морфину, еже знаменует: «зрачное» (см. второе посещение св. Афонской Горы Барским, стр. 60–61, издание Афон. Русск. Пантел. монастыря). Во время последнего разорения Святой Горы (1536 г.), магистром родосским, монастырь Амальфийский, которого развалины, под названием Морфину, подают повод к разным сказаниям, был уничтожен, говорит г. Григорович (см. его «Очерк путешествия по европ. Турции». Казань 1848 г., стр. 91. См. об этом также и у г. Муравьева, в его «Письмах с Востока», ч. I, стр. 124 и 275.

«Житие иже во святых отца нашего Григория Синаита» (Спб, 1894) издано в подлиннике И.В.Помяловским по рукописи Московской синодальной библиотеки. В предисловии к этому житию г. издатель, вероятно, на основании указания архим. Сергия (см. полный месяцеслов – 8 авг.), кончину преподобного Григория относит к 1310 году, но это неверно: приводимые в самом житии исторические факты и личности свидетельствуют, что кончина преподобного должна быть отнесена к первой половине XIV столетия – к 1346 году – как утверждает и архим. Арсений (см. его «Летопись», изд. 2, Спб, 1880 г, стр. 505, и его же «Очерк жизни патриарха К.П.Каллиста» – Православное Обозрение, 1873 г., т. I, стр. 917).

105

Из Akolouqia twn agioreitwn paterwn.

